

Litera

Правильная ссылка на статью:

Муралова Е.О. Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов» // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75667 EDN: RZKCVE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75667

Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов»

Муралова Екатерина Олеговна

ORCID: 0000-0002-0659-9814

аспирант; Институт стран Азии и Африки; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11

✉ murket96@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75667

EDN:

RZKCVE

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2025

Дата публикации:

01-09-2025

Аннотация: Предмет исследования – исторический роман вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя (1933–2021) «Матушка – хозяйка гор и лесов» 2005 г., который описывает социокультурный контекст вьетнамской деревни конца XIX – начала XX века. Одна из ключевых проблем произведения – взаимодействие Франции и Вьетнама в период французского колониального завоевания. «Матушка – хозяйка гор и лесов» занимает значимое место в современной вьетнамской литературе как роман, осмысливающий историческую травму и культурную преемственность сквозь призму фольклорных архетипов, мифологического сознания и народных верований. Произведение отражает кризис традиционных религиозных и философских учений – буддизма и конфуцианства – на фоне колониальной экспансии. Важной темой романа является восприятие

колониального Вьетнама глазами европейцев. Методологическая основа исследования – сравнительно-сопоставительный анализ и культурно-исторический подход, позволяющие выявить особенности изображения колониального Вьетнама глазами европейцев. Выявлены два типа персонажей-европейцев. Первый тип характеризуется европоцентрическим, колониальным мышлением, стремлением «цивилизовать» местное население. Второй тип демонстрирует уважение к вьетнамской культуре, стремится к диалогу. Их противопоставление, система оценочных суждений, авторские ремарки и сюжетные решения позволили реконструировать авторскую позицию о взаимоотношениях Вьетнама с бывшей метрополией и понимание колониального прошлого страны с позиций современной вьетнамской идентичности. Новизна работы заключается в постколониальном прочтении романа, выходящем за рамки бинарной модели «метрополия – колония». Само произведение не переведено на другие языки и в отечественном литературоведении вводится в научный оборот впервые. Полученные выводы могут быть полезны в области сравнительного литературоведения и изучения постколониальных процессов в литературе Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова:

Нгуен Суан Кхань, современная вьетнамская литература, исторический роман, Восток и Запад, вьетнамская идентичность, французское колониальное завоевание, ориентализм, постколониальный дискурс, другой, Вьетнам и Франция

Введение

Нгуен Суан Кхань (Nguyễn Xuân Khanh) – современный вьетнамский писатель, получивший ряд престижных наград и широкое признание за три исторических романа [1]. Тем не менее, в англоязычном и отечественном литературоведении его творчество практически не изучено. Так, применительно к российской науке следует упомянуть статью Филимоновой Т. Н., посвященную главному герою первого из исторических романов писателя, – «Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» [2][3]. В англоязычном литературоведении работы, как правило, принадлежат вьетнамским исследователям. Например, Фунг Фыонг Нга и Доан Дык Хай исследуют синcretизм культурных и религиозных элементов в другом его романе и влияние верований на развитие вьетнамской литературы в целом [4].

«Матушка – хозяйка гор и лесов» (Mẫu Thủ Trưởng Ngàn; 2005) [5] – второй исторический роман писателя. В центре повествования – жизнь северовьетнамской деревни в период, когда Вьетнам был французской колонией (вторая половина XIX в. – 1945 г.). Большинство имеющихся исследований посвящены религиозно-культурной составляющей произведения. Помимо упомянутой выше работы Фунг Фыонг Нга и Доан Дык Хая можно, например, отметить статью Нгуен Ван Хунга [6], посвященную анализу элементов вьетнамской духовной культуры в романе, а также исследования Фам Ван Зы [7], в которой рассматриваются архетипические образы и символы произведения, Чыонг Тхи Хоа [8], посвященную вьетнамской духовной культуре в романе, Нгуен Тхи Хюэ, где «Матушка – хозяйка гор и лесов» рассматривается вместе с другим историческим романом Нгуен Суан Кханя с точки зрения культурологии [9]. Все эти работы сосредоточены преимущественно на культурных аспектах произведения – религии, мифологии, традициях, образах женского божества. В то же время один из важных и

недооцененных сюжетов романа «Матушка – хозяйка гор и лесов» о взаимном влиянии и взаимодействии французской и вьетнамской цивилизаций в условиях колониальной зависимости, насколько известно, остается неизученным даже в рамках собственно вьетнамского литературоведения.

На современном этапе исследования вьетнамской исторической прозы интерес к вопросам культурного взаимодействия и постколониальной идентичности возрастает. Например, Фан Мань Хунг показывает, как южновьетнамские писатели начала XX века использовали историческую прозу как способ переосмысливания национального самосознания [10]. В другом исследовании, посвященном понятию «цивилизация», рассматривается, как вьетнамские интеллектуалы начала XX в. интегрировали колониальные и азиатские цивилизационные модели, стремясь к культурному синтезу [11]. Постколониальный подход активно применяется и в экологической критике. Так, одним из ключевых аспектов исследования в монографии «Окружающая среда и нарратив Вьетнама» Тьи Фам и Урсулы Хейзе является связь природных образов и исторического нарратива, в том числе то, как природа наделяется символической нагрузкой и функционирует как пространство колониального конфликта [12].

Культурная и образовательная трансформация в колониальный период, которая изображена и в романе Нгуен Суан Кханя, также становится объектом внимания исследователей. Так, в статье «Франко-вьетнамская культура образования в Кохинхине (1862–1945)» анализируется, как французская система обучения повлияла на формирование новой вьетнамской образовательной системы и на становление национальной культуры [13].

Таким образом, несмотря на то, что вопрос влияния контактов между Вьетнамом и Францией на Вьетнам в романе Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов» оставлен практически без внимания литературоведов, эта тема составляет важный аспект проблематики произведения и соотносится с рядом современных исследовательских направлений, среди которых можно отметить вопросы культурной гибридности, постколониальной идентичности, социо-культурной трансформации в условиях колониализма. Настоящая статья восполняет существующий пробел и вносит вклад в развитие дискуссии о постколониальном сознании во вьетнамской литературе.

Для более глубокого погружения в контекст проблемы взаимодействия двух цивилизаций в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» Нгуен Суан Кхань выстраивает систему персонажей, в которую входят как местное население, так и представители французской метрополии. Их образы раскрываются как через комментарии повествователя, так и через действия и речь самих героев и их взаимовосприятие. Последнее особенно интересно с точки зрения анализа в свете постколониальной теории, которая позволяет рассматривать художественный текст как пространство противостояния и диалога между двумя цивилизациями.

Оценка французскими колонизаторами Вьетнама и его жителей помогает понять специфику отношения Нгуен Суан Кханя, заставшего колониальный Вьетнам, к произошедшим событиям и иностранным завоевателям. Писатель не только фиксирует травмирующий опыт в романе, но и передает гордость за национальные традиции.

Необходимость творческого осмысливания культурных контактов, по всей видимости, вызвана следующим. К моменту работы над романом Вьетнам уже больше десяти лет был открыт влиянию со стороны западных (капиталистических) стран в результате принятия политики обновления в конце 1986 г. Соответственно обращение к колониальной

истории приобрело особую актуальность – как попытка отрефлексировать и проанализировать прошлое, чтобы лучше понимать динамику новых форм культурного обмена и сопротивления.

Методологической основой исследования послужили сравнительно-сопоставительный анализ и культурно-исторический подход, которые позволили интерпретировать роман в рамках постколониального дискурса. В частности, используется концепт ориентализма, разработанный Э. Сайдом [14][15], согласно которому колониальные державы формировали представления о Востоке как о принципиально ином, иерархически низшем и нуждающемся в «просвещении». Такой подход позволяет выявить в произведении устойчивые бинарные оппозиции – «цивилизованное / отсталое», «рациональное / инстинктивное», «метрополия / колония», – а также проследить, каким образом вьетнамская культура репрезентируется глазами европейцев. Обращение к постколониальной критике позволяет интерпретировать процессы взаимного влияния, культурной асимиляции и механизмы символического господства.

Типология европейских персонажей в романе

В романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» присутствует несколько персонажей-европейцев: как реальных исторических лиц, так и вымышленных. При этом последние играют более важную роль в сюжете. В основном оценочные суждения о метрополии и колонии помещены в беседы братьев Мессме – хозяев деревни, где происходят основные события в произведении; отца Коломбера, проповедовавшего много лет во Вьетнаме, и этнографа Рене.

Нгуен Суан Khanь стремится к объективности при описании иностранцев. В романе представлены как колонизаторы с «типичным» европоцентричным представлением о мире, так и персонажи, проявлявшие интерес к местной культуре и традициям и стремившиеся к установлению межцивилизационного диалога. В первую группу входят старший и младший братья Мессме – Филипп и Жюльен соответственно; во вторую – средний брат Пьер, отец Коломбер и этнограф Рене. Эти две группы представляют противоположные подходы к восприятию культурной инаковости. Все вышеперечисленные персонажи видят вьетнамцев как «других». Разница в том, что Филипп и Жюльен воспринимают различия негативно, стремятся их преодолеть путем «оффранцузивания» местного населения. В то время как персонажи второй группы проявляют искренний интерес к вьетнамской культуре и традициям, рассматривая их как источник познания и вдохновения, что в свою очередь помогает им глубже осмыслить собственную идентичность и через это имеют возможность лучше понять себя.

Филипп и Жюльен Мессме неоднократно говорят о «бремени белого человека», о необходимости «нести свет» покоренным народам. Они стремятся «поднять» коренное население до уровня культурного развития Франции, отказывая вьетнамцам в богатстве и самобытности их традиций. Например, Жюльен рассуждал так: «... мы приехали в Индокитай, чтобы цивилизовать местное население, и доказать, что наша культура превосходит остальные. Мы хотим превратить эту страну в маленькую Францию, а здешних жителей – в подданных, тень народа метрополии... Не верю, что пугливые и раболепные люди в этой темной стране могут что-то сделать» [Здесь и далее перевод с вьетнамского языка выполнен автором статьи] [5, с. 483-484]. Аналогичным образом Филипп желал «стать завоевателем, уехать покорять варварские народы, цивилизовать людей, живущих во тьме, нести крест на своих плечах, Божий свет язычникам» [5, с. 76]. Он говорил: «Мы, французы – люди, обладающие способностью действовать,

способностью мыслить и, прежде всего, очень сильной волей... Благодаря воле мы завоевали эту землю за тысячи миль от нашей Родины. Благодаря воле наша страна совершила много чудес. У нашего народа есть поговорка «Захотеть – значит получить» (Vouloir c'est pouvoir)» [\[5, с. 169\]](#). Хотя в последней цитате французы характеризуют сами себя, на уровне подтекста наблюдается противопоставление характеров двух наций. Если французы наделяются такими качествами, как активность, рациональность и волевая целеустремлённость, то, по логике Филиппа, вьетнамцы, раз они проиграли, оказываются их антиподами: бездеятельными и безвольными. Их мыслительные процессы будто бы не сопоставимы с таковыми у французов.

Таким образом, эти рассуждения не столько отображают реальный портрет вьетнамского жителя, сколько говорят о стереотипических представлениях типичных французских колонизаторов, по крайней мере, какими их видят Нгуен Суан Khanь. Самоуверенные, решительные, жестокие (оба брата участвовали в боевых действиях против местного населения), поспешно делающие выводы, пребывающие в иллюзии о собственном превосходстве. Писатель деконструирует фигуру европейца, как «героя-просветителя».

Совсем по-другому о колонии отзываются персонажи-европейцы из второй группы. Так, например, отец Коломбер «любил самых нежных, трудолюбивых, умных и терпеливых людей на этой земле» [\[5, с. 307\]](#). Он же говорил о том, что «зачастую мы слишком суровы и усугубляем разницу между цветами кожи... я живу с местными и никакого разделения не вижу» [\[5, с. 482\]](#). Пьер спрашивал Жюльена: «Почему ты не хочешь мирно жить здесь с добрыми людьми?» [\[5, с. 405\]](#). Рене, говоря о причине своего путешествия в Индокитай, отвечал, что поехал «за непознанным, за добрым и прекрасным». «Я остался здесь, потому что ... околован чарующей красотой тропиков. И я хочу почтить эту восточную красоту» [\[5, с. 403\]](#). Он общался «с местными интеллектуалами, знатоками Китая и Запада. Они также много думают о своей стране». Контраст этих высказываний и рассуждений Филиппа и Жюльена призван дополнительно продемонстрировать высокомерие последних. Разница в подходах также подталкивает читателя поверить характеристикам, данным вьетнамцам голосами Рене, Пьера и отца Коломбера.

Стоит уточнить, что все трое смутно ощущали вину перед местными жителями. Так писатель намекает, что одна из причин, по которой отец Коломбер решил остаться в колонии, как раз заключена в признании злодеяний Франции, совершенных во Вьетнаме. «Казалось, что в душе он чувствовал себя обязанным им. ... почему они страдают от такого количества бедствий. Действительно ли он принес им свет? Или это просто слабый луч света, в то время как тьмы, густой тьмы, было принесено куда больше...» [\[5, с. 307\]](#). Рене сформулировал это так: «Когда мы стремимся цивилизовать их, мы хотим, чтобы они стали нами. Но мы едим их еду, пьем их воду и спим с их женщинами. Мы господствуем над ними. Мы заставляем их плакать, а сами смеемся.. Однажды душа земли отомстит» [\[5, с. 183-184\]](#). Или: «Мы пришли ассимилировать эту страну, но и я сам был ассимилирован этим краем» [\[5, с. 482\]](#).

Вышеуказанные размышления дают настоящую оценку деятельности Франции в колонии, отражают критическое осмысление французского колониального присутствия во Вьетнаме. В репликах Рене содержится имплицированная полемика с позицией Филиппа и Жюльена: в отличие от них, этнограф рассматривает процесс культурной ассимиляции, как взаимный. С его точки зрения, ассимиляция — это не одностороннее подчинение, а двусторонний обмен, в котором и француз подвержен влиянию местной среды. Тем самым Рене опровергает тезис о безволии и пассивности вьетнамцев, распространённый

в колониальном дискурсе. «Темные и раболепные» люди не смогли бы успешно противостоять такому сильному давлению и культурному влиянию. Эта мысль прямо выражена в очередной беседе с Жюльеном: «Возможно, Вы излишне самоуверенны, как и многие французы, придерживающиеся подобных взглядов. Должны ли мы быть такими самодовольными? Правда, что люди Востока сейчас кажутся нам слабыми, но всегда ли так будет?» [\[5, с. 480\]](#).

Кроме ранее упомянутых персонажей в романе присутствуют и другие европейцы, высказывающие суждения о вьетнамцах. Они часто воспроизводят критику, выраженную вымышленными персонажами (прежде всего Филиппом и Жюльеном), хотя в отдельных случаях встречаются и положительные оценки. Кроме того, через их реплики писатель подчеркивает, что культурный потенциал и силы вьетнамского народа в основном сосредоточены на севере страны, традиционно рассматриваемом как исторический центр Вьетнама.

Так реальный исторический деятель, участвовавший в захвате Ханойской цитадели в 1883 г., Анри Ривьер (1827-1883), обратил внимание на следующее. Во время переговоров с губернатором Ханоя (город находится на севере Вьетнама) французский офицер увидел «двух больших, физически развитых аннамитских [то есть вьетнамских] воинов». Они были выше не только среднестатистического вьетнамца, но и «выигрывали по сравнению с французскими бойцами». «Они стояли, скрестив руки на груди, и пристально смотрели на гостей. Было такое ощущение, что они могли бы без затруднений сломать шеи противнику. Теперь Ривьер получил подтверждение плохому предчувствию. Он понял, что два слона под манговым деревом снаружи и эти два гигантских стражника четко выражали скрытый смысл» [\[5, с. 84\]](#).

Одно из символических значений слона – императорская власть и могущество. Так в другом романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» (Нô Quý Ly, 2001)[\[3\]](#) слоны часто фигурируют, как орудие защиты государственности: верхом на них генералы вели в бой войско против иностранных захватчиков, выходили на прогулку императоры, высокопоставленные чиновники казнили мятежников. В подтверждение этой мысли можно привести цитату из письма Анри Ривьера Филиппу: «слоны [в саду дворца] будто намеревались растоптать или прогнать двух моих стражников своими хоботами» [\[5, с. 89\]](#).

Офицеру Ривьеру вторит другой исторический персонаж, эпизодически появляющийся в повествовании – епископ Поль-Франсуа Пужинье (1835-1892). «Тонкин [то есть север Вьетнама] является источником аннамитского народа и культуры этой страны. Здесь не то, что в Кохинхине [юг Вьетнама, ставший к данному моменту французской колонией]. Люди в этих краях все еще очень почитают своего императора и чиновничество...» [\[5, с. 79\]](#). Хотя нельзя с полной уверенностью утверждать, что данные слова принадлежат самому епископу, их включение в роман, по-видимому, отражает авторскую позицию. Сквозь реплику иностранного персонажа проступает гордость писателя за Вьетнам, конкретнее за Тонкин. Во-первых, именно северные регионы дольше сопротивлялись французскому наступлению, и даже после установления протектората оставались центром антиколониального сопротивления, в отличие от юга. Во-вторых, сам Нгуен Суан Кхань родился под Ханоем и большую часть жизни прожил в столице или в ее окрестностях, что позволяет говорить о его особом отношении к этим местам. Вероятно, сохранить иллюзию объективности, писатель поместил похвалу в адрес Тонкина в речь не местных жителей, а иностранцев, более того, реальных исторических деятелей.

Среди вымышленных персонажей-европейцев можно также отметить мать братьев

Мессме. Она возражала против того, чтобы Филипп оставался во Вьетнаме и, находясь при смерти, взяла с Пьера клятву не ехать в Индокитай. «Не уподобляйтесь Филиппу, покинувшему Францию и отправившемуся в эту странную страну, полную солнца, дождя и диких животных. Неужели вы сошли с ума? Не знаю, какой волшебной силой обладает Индокитай, этот азиатский край. Какое небо может быть прекраснее нашего французского неба... Поклянись, что никогда не покинешь Францию, чтобы отправиться в ту странную страну, где женщины красят зубы в черный цвет... в ту странную страну, где бушует малярия и отрубленные человеческие головы посажены на бамбуковые колья».[\[5, с. 171\]](#).

Мать Мессме являет собой типичного, в понимании Нгуен Суан Кханя, консервативно настроенного обывателя, который ни разу не был в колонии, а возможно и за пределами своего города. Для мадам Мессме Вьетнам остаётся далёкой и чуждой территорией, априори воспринимаемой как отсталая и враждебная. В её представлении эта страна ассоциируется исключительно с экзотическими и пугающими элементами: почёрнённые зубы, малярия, жестокие казни. Даже такие нейтральные природные явления, как солнце и дожди, в её речи приобретают негативную окраску. Мадам Мессме лишена представления о культурной или социальной сложности жизни в колонии и потому отождествляет её с набором варварских и отталкивающих черт, демонстрируя ограниченность взглядов метрополии на колонизируемое пространство.

Облик Вьетнама в интерпретации Нгуен Суан Кханя

Если образ Вьетнама в восприятии среднего француза сводится к ряду негативных стереотипов, то возникает вопрос: чем же тогда Индокитай продолжает привлекать европейцев? Реальная, объективная причина – стремление к карьерному росту или материальной выгоде – в романе получается не главной. Напротив, экономическая целесообразность отступает на второй план, уступая место идеологическим установкам. Например, Анри Ривьер наставлял Филиппа: «Ты должен помнить, что французы приезжают в Аннам не только для того, чтобы получить кусок земли, и обработать его. Французы в основном приезжают сюда, чтобы управлять, чтобы просветить темную страну. Твоя задача – просвещать местных».[\[5, с. 75\]](#). Однако помимо риторики «цивилизаторской миссии» существует и другой – более интуитивный, чувственный – уровень влечения.

Первое, что, по мнению Нгуен Суан Кханя, обладает притягательной силой для европейцев – необычайно красивые пейзажи. Так Филипп, уговаривая Пьера приехать, подчеркивает: «Зеленые деревья, фрукты круглый год... везде яркие цветы. Лес – странный, густой, ширящийся вверх и вдаль... Все полно жизни. Природа здесь принимает бесчисленные формы... Тропическая природа может научить тебя разным необычным вещам, о которых в холодных краях никто не знает»[\[5, с. 172-173\]](#).

По роману получается, что флора и фауна страны являются отражением состояния ее населения, его подлинного характера. Так многие вьетнамские персонажи часто говорят о том, что душа земли – это души рек, гор, деревьев, живущих людей и умерших вместе взятые. Рене в разговоре о религии отмечает, что вьетнамцы – пантеисты. Они ближе к природе, «естественнее», чем французы[\[5, с. 183-184\]](#). Следовательно, природное многообразие Вьетнама отображает богатство внутреннего мира, традиций местного населения. Европейцы со своей как бы скучной окружающей средой и холодным климатом оказываются духовно ограничены. Поэтому они стремятся во Вьетнам, чтобы восполнить эту нехватку.

В другом месте писатель как бы цитирует французскую газету тех времен. «Индокитай – это легенда с загадочными первобытными лесами, обширными рисовыми заливными полями, лодками под парусами в виде крыльев летучей мыши, с восхитительно красивым заливом Халонг. Это особая земля в мечтах французов об Азии. Индокитай был оккупирован Францией довольно поздно. Он отличается от арабских земель, от Китая, Японии. Это жемчужина метрополии» [\[5, с. 175\]](#). Строго говоря, колониальные владения Франции в Индокитае объединяли не только Вьетнам, но и Камбоджу, Лаос. Однако описание скорее посвящено Вьетнаму, причем северному (заливное рисоводство больше распространено именно в этой части страны; Халонг находится примерно в 160 км к западу от Ханоя). В этом вновь наблюдается гордость писателя за родные места.

Вторым аспектом, оказывающим притягательное воздействие на европейцев, согласно авторской логике романа, выступают вьетнамские женщины. Даже Жюльен — персонаж, наиболее враждебно настроенный по отношению к коренному населению, — оказывается не в силах скрыть восхищения. «Маленькое идеальное тело, гладкая упругая кожа. Мягкая, гибкая походка леопарда. Глаза слегка раскосые, немного дикие. Эти глаза и внешний вид гармоничны и сообщают о сильной жизненной силе... И я вдруг почувствовал восхищение ими, местными женщинами. Откуда взялось это прекрасное маленькое существо, полное энергии? Я не наблюдаю этого в наших женщинах» [\[5, с. 675\]](#). Или: «Филипп был удивлен, когда увидел эту женщину... Глаза большие и раскосые. Тонкие губы без помады, но все равно красные... Фигура, которую любят все на Востоке и на Западе» [\[5, с. 104\]](#).

Увлеченность французов местными девушками даже нашла свое подтверждение в языке представителей метрополии. По роману европейских мужчин, которые предпочитали вьетнамок, называли «en congaié» (от вьетн. *con gái* – девушка, девочка) [\[5, с. 481\]](#). Стоит отметить, что слово “*con gái*” действительно перешло во французский язык колонизаторов, живших в Индокитае — *congaï*. Оно обозначало молодую «аннамитскую» девушку или по контексту спутницу европейца из местных народов индокитайской колонии (*Dictionnaire Vivant de la Langue Française*. URL: <https://dvlf.uchicago.edu/mot/conga%C3%AF> accessed 05.05.2025).

Репрезентация Вьетнама в рамках колониального дискурса

При этом писатель постоянно подчеркивает, что европейцы недооценивают местное население, и не так важно к какому лагерю они относятся. Так, например, Филипп был поражен некоторыми вьетнамскими женщинами. «Наверное, она из благородной семьи... Восточное благородство, с таким он столкнулся впервые» [\[5, с. 104\]](#). Даже Пьер, восхищавшийся страной, невольно примитивизировал местные поверья и мировоззрение. «Кули подумали, что это привидение шло по лесу... Французы снисходительно улыбнулись наивным мыслям этих несчастных людей... Они были настолько погружены во тьму, что куда бы ни посмотрели, везде видели силуэты божеств и демонов. Все необычное для них было знаком присутствия сверхъестественной силы. Пьеру стало еще больше жаль их...» [\[5, с. 190\]](#). Или: «Он не ожидал, что в этом уединенном месте встретит молодого коренного жителя с таким глубокими мыслями» [\[5, с. 458\]](#).

Представления о местных, основанные на идеологических клише, сравнения, приникающие вьетнамцев, опровергаются действительностью в романе. Так, например, Филипп говорил, что «люди здесь неплохие. Но мы все равно хозяева. А между

хозяином и слугой всегда существует дистанция». Однако в итоге он женился на вьетнамке. Они с Жюльеном считали местные анимистические верования «недостойной ересью», а шамана, жившего в деревне под их управлением, воспринимали как «оборванца, сумасшедшего старика, аннамитского волшебника» [5, с. 199]. Эксцентричность и непохожесть последнего подчеркивается контрастом с находящимся рядом Пьером – «достойным европейским господином». В то же время именно шаман (а не европейский врач), оказался единственным, кто смог вылечить среднего Мессме от ран и лихорадки [5, с. 202].

Уверенность французов в собственном цивилизационном превосходстве также оказалась разбита. Так, например, Филипп заявил, что на его плантации «должен сиять дух свободы, справедливости и милосердия Французской революции. Здесь должна царить Божья любовь» [5, с. 319-320]. По всей видимости, по мнению Филиппа, во вверенных ему территориях этого духа и любви изначально не было. Однако позднее в деревне проводились казни участников антифранцузских восстаний, а старший и младший братья Мессме неоднократно срывали проведение народных праздников. То есть они действовали вразрез со своими убеждениями и декларациями о «свободе, справедливости и милосердии».

Чтобы подчеркнуть нелепость и ошибочность представлений Филиппа и Жюльена о коренном населении колонии, Нгуен Суан Кхань прибегнул к зеркальной композиции. Так в начале романа оба брата намекали на неспособность к мысли и воле у вьетнамского народа. Они говорили, что вьетнамцы, даже получив власть, «все равно не знали бы, что с ней делать» [5, с. 389, 671]. В итоге, когда Филипп стал владельцем плантации, он ввел новые порядки. Одежда всей прислуги должна была быть белая. Это придавало «месту больничную атмосферу, но Филиппу нравилась такая атмосфера... Больше всего он хотел, чтобы ему не приходилось говорить ни слова, и его желания немедленно выполнялись бы людьми в белом... он любил ходить взад и вперед, будто размышляя, но на самом деле его мысли ни на чем не задерживались» [5, с. 355]. То есть, получив контроль над небольшой территорией и, «стерилизовав» ее (все чисто, в белом, напоминает больницу) соответственно своим желаниям, Филипп больше не знает, чего想要, к чему стремиться, то есть, становится в определенном смысле безвольным. Можно было бы предположить, что он расчистил себе пространство, чтобы сосредоточиться на делах умственного труда. Но писатель тут же это опровергает.

Жюльен считал, что вьетнамский язык «примитивный, принадлежащий варварским джунглям». Он часто говорил о слишком большой разнице между народами через оппозиции сильный – слабый, цивилизованный – варварский, образованный – темный. По этой причине младший Мессме исключал возможность смешения между расами. Но и здесь в романе прослеживается насмешка над представлениями француза. В конце романа Жюльен возьмет себе в девушки метиску, встретив в ней «восточное очарование и западную легкость». От одной из героинь – вьетнамки – у него родится дочь (сам Жюльен, как и Филипп, к этому моменту умрет по невыясненным обстоятельствам).

Заключение

Таким образом, в романе присутствует большое число описаний и рассуждений на тему вьетнамских стран, народа, традиций от лица французов. С одной стороны, Нгуен Суан Кхань действительно раскрывает в таких размышлениях вьетнамский национальный характер, используя взгляд колонизаторов как зеркало. С другой, на том же материале он дает критическую оценку европейцам-колонизаторам, прибывшим во Вьетнам.

Персонажи-европейцы в романе условно поделены на положительных и отрицательных. Первые уважительно относятся к местным, а вторые приникают их, воспроизведя колониальные стереотипы. Отрицательные характеристики обычно подаются в формате клише и в конце романа часто подвергаются сомнению или полностью опровергнуты. Писатель использует зеркальную композицию, чтобы подчеркнуть несостоительность претензий некоторых персонажей-колонизаторов на исключительное цивилизационное превосходство. Наблюдается контраст между теми, кто, недооценивая местных жителей, пытается сделать из них французов, и теми, кто стремится наладить контакты с местными, не пытаясь подстроить их под себя. Все это подталкивает читателя критически отнестись к мнению европейских отрицательных персонажей-европейцев по отношению к вьетнамцам. В то же время точка зрения, поддержанная представителями обеих групп, подчеркивает объективность высказывания. Читатель понимает, чем гордился Нгуен Суан Кхань – вьетнамскими женщинами, природной красотой, культурным наследием. Соответственно, некоторые пафос и дидактичность в рассуждениях европейцев-героев романа и то, как категорично эти рассуждения были опровергнуты, призваны возбудить во вьетнамском читателе такую же гордость за страну и ее традиции и подтолкнуть его к вдумчивому восприятию европейской культуры на современном этапе, утвердиться в своей национальной идентичности – не навязанной извне, а исходящей изнутри.

Библиография

1. Lại Nguyên An. Mấy nét về đường văn Nguyễn Xuân Khanh. // Đoàn Ánh Dương biên soạn. Nguyễn Xuân Khanh. Một nụ cười mỉm, một nghiệp văn xuôi. Hà Nội: nxb. Phụ nữ Việt Nam. 2021. Tr. 48-64. [Лай Нгуен Ан. Некоторые особенности творческого пути Нгуен Суан Кханя. // Доан Ань Зыонг (ред.). Нгуен Суан Кхань: одна улыбка, одно дело прозаика. Ханой: Фуны Вьетнам, 2021. С. 48-64]. (на вьет. яз.)
2. Филимонова Т. Н. Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя "Хо Куи Ли". // Вьетнамские исследования. 2012. Вып. 2. М.: ИДВ РАН. С. 370-387. EDN: ТРОНУJ
3. Nguyễn Xuân Khanh. Hồ Quý Ly. Hà Nội: nxb. Phụ nữ, 2000. 834 tr. [Нгуен Суан Кхань. Хо Куи Ли. Ханой: Фуны, 2000. 834 с.]. (на вьет. яз.)
4. Phung Phuong Nga, Doan Duc Hai. Religion and culture mixture in "Mau Thuong Ngan" novel of Nguyen Xuan Khanh. // Tạp Chí Khoa học và Công nghệ Đại học Đà Nẵng [Журнал науки и технологий Данангского Университета], vol 6, № 79.2, 2014. P. 62-65. (на англ. яз.)
5. Nguyễn Xuân Khanh. Mẫu Thượng Ngàn. In lần thứ 8. Hà Nội: nxb. Phụ nữ, 2018. 756 tr. [Нгуен Суан Кхань. Матушка – хозяйка гор и лесов. 8 переизд. Ханой: фуны, 2018. 756 с.]. (на вьет. яз.)
6. Nguyễn Văn Hùng. Giải mã cội nguồn bản sắc văn hóa Việt qua tín ngưỡng thờ Mẫu trong tiểu thuyết Mẫu Thượng Ngàn của Nguyễn Xuân Khanh. // Tạp Chí Khoa học Đại học Huế: khoa học xã hội và nhân văn [Нгуен Ван Хунг. Расшифровка происхождения вьетнамской культурной идентичности через поклонение Богине-Матери в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» Нгуен Суан Кханя. // Вестник Университета Хюэ: социальные и гуманитарные науки], vol. 82. № 4, 2013. P. 62-70. (на вьет. яз.)
7. Phạm Văn Dự. Tiểu thuyết "Mẫu Thượng Ngàn" và "Độc gạo lèn chùa" của Nguyễn Xuân Khanh từ góc nhìn lý thuyết cổ mẫu. Luận văn thạc sĩ. Trường đại học sư phạm. [Фам Ван Зы. Романы «Матушка – хозяйка гор и лесов» и «История одного послушника» Нгуен Суан Кханя с точки зрения архетипов. Дисс. маг. Педагогический университет]. Тхái Nguyên. 2018. (на вьет. яз.)
8. Trương Thị Hòa. Văn hóa tâm linh người Việt trong tiểu thuyết "Mẫu Thượng Ngàn" của Nguyễn Xuân Khanh. Luận văn thạc sĩ. Trường đại học sư phạm. [Чыонг Тхи Хоя. Духовная культура Вьетнама в романе Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов». Дисс.

- маг. Педагогический университет]. Thái Nguyên, 2013. (на вьет. яз.)
9. Nguyễn Thị Huệ. Tiểu thuyết Nguyễn Xuân Khánh từ hướng tiếp cận văn hóa học (qua “Mẫu Thượng Ngàn” và “Đội gạo lên chùa”). Luận văn thạc sĩ. Đại học quốc gia Hà Nội. [Нгуен Тхи Хюэ. Романы Нгуен Суан Кханя с культурологической точки зрения (на примере романов «Матушка – хозяйка гор и лесов» и «История одного послушника»). Дисс. маг. Ханойский государственный университет]. Hà Nội, 2013. (на вьет. яз.)
10. Phan Mạnh Hùng. History as a way of constructing the notion of nation: a case study of historical novels published in southern Vietnam in the early twentieth century. // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío, 2022. 34(2). P. 396-408.
11. Ran Tai. Pursuing Văn Minh: A Study of Civilizational Discourse in the Historical Narratives in Colonial Vietnam (1900–1915). // Vietnam over the long twentieth century. Springer, 2024. P. 13-36.
12. Heise, U. K., Pham, C. P. Environment and Narrative in Vietnam (Literatures, Cultures, and the Environment). Palgrave Macmillan, 2024. 367 p.
13. Нго Т. Х., Буй Х. Т. Франко-вьетнамская культура образования в Кохинхине (1862–1945). // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 2. С. 67-78. DOI: 10.54631/VS.2024.82-562779 EDN: CRHWQX
14. Said E. W. Culture and Imperialism. New York: Alfred A. Knopf, 1993. 380 p.
15. Said E. W. Orientalism. London: Penguin Books, 2003. 396 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является проблема взаимодействии французской и вьетнамской цивилизаций в литературоведении, рассматриваемая на материале исторического романа «Матушка – хозяйка гор и лесов» (Mẫu Thượng Ngàn; 2005) Нгуен Суан Кханя (Nguyễn Xuân Khánh). Актуальность настоящей работы обусловлена как необходимостью освещения проблемы взаимодействия цивилизаций («писатель не только фиксирует травмирующий опыт в романе, но и передает гордость за национальные традиции»), так и недостаточной изученностью творчества современного вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя, получившего ряд престижных наград и широкое признание за три исторических романа.

Теоретической основой исследования выступают труды, посвященные изучению религиозно-культурной составляющей романа, архетипических образов и символов произведения, концепции ориентализма, влиянию имперализма на культуру. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям, однако насчитывает всего 9 источников, в том числе два литературных, что, по мнению рецензента, недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Обращаем внимание, что автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Также рекомендуем перевести на русский или английский языки источники на вьетнамском языке (см требование редакции: «список литературы (References) приводится на русском и английском языках»).

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачами: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, сравнительно-сопоставительный анализ и культурно-исторический подход, методы когнитивного и дискурсивного анализа

и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрены типология европейских персонажей в романе; облик Вьетнама в интерпретации Нгуен Суан Кханя; особенности репрезентация Вьетнама в рамках колониального дискурса, сделаны выводы о том, что «писатель использует зеркальную композицию, чтобы подчеркнуть несостоительность претензий некоторых персонажей-колонизаторов на исключительное цивилизационное превосходство», «он дает критическую оценку европейцам-колонизаторам, прибывшим во Вьетнам». Отмечается, что «некоторые пафос и дидактичность в рассуждениях европейцев-героев романа и то, как категорично эти рассуждения были опровергнуты, призваны возбудить во вьетнамском читателе такую же гордость за страну и ее традиции и подтолкнуть его к вдумчивому восприятию европейской культуры на современном этапе, утвердиться в своей национальной идентичности – не навязанной извне, а исходящей изнутри».

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие современного вьетнамского литературоведения, в изучение особенностей освещения проблемы взаимодействия цивилизаций в художественном тексте как «пространстве противостояния и диалога между двумя цивилизациями», могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах по современному вьетнамскому литературоведению и др.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. В целом, статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы направлена на анализ / оценку колониального Вьетнама глазами европейцев в романе Нгуен Суан Кханя. Думаю, что предметная область исследования конструктивна, нова, диалогична. Статья имеет цельный вид, она достаточно самостоятельна, оригинальна, считаю, что материал имеет практическое значение, ибо касается мало изученного текста, тем более в рамках российской научной мысли. Автор в начале труда отмечает, что «на современном этапе исследования вьетнамской исторической прозы интерес к вопросам культурного взаимодействия и постколониальной идентичности возрастает», думаю, что с этим можно согласиться и признать данный тезис как основу актуализации работы. Новизна, таким образом, верифицирована самим исследователем, она объективно понятна и читателю; «статья восполняет существующий пробел и вносит вклад в развитие дискуссии о постколониальном сознании во вьетнамской литературе». Текст дробится на т.н. смысловые блоки, подобное деление оправдано; переход от одной смысловой части к другой осуществляется в режиме выверенной логики. Стиль соответствует научному типу: например, «Для более глубокого погружения в контекст проблемы взаимодействия двух цивилизаций в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» Нгуен Суан Кхань выстраивает систему персонажей, в которую входят как местное население, так и представители французской метрополии. Их образы раскрываются как через

комментарии повествователя, так и через действия и речь самих героев и их взаимовосприятие. Последнее особенно интересно с точки зрения анализа в свете постколониальной теории, которая позволяет рассматривать художественный текст как пространство противостояния и диалога между двумя цивилизациями» и т.д. Материал удобно использовать при изучении истории зарубежной литературы; его можно оценить и как импульс для написания новых работ связанных с литературой Вьетнама. Уровневый анализ романа Нгуен Суан Кханя сделан полновесно: это образный ряд, жанр, идейно-тематический уровень... Фактические наблюдения точны: «в романе «Матушка – хозяйка гор и лесов» присутствует несколько персонажей-европейцев: как реальных исторических лиц, так и вымышленных. При этом последние играют более важную роль в сюжете. В основном оценочные суждения о метрополии и колонии помещены в беседы братьев Мессме – хозяев деревни, где происходят основные события в произведении; отца Коломбера, проповедовавшего много лет во Вьетнаме, и этнографа Рене» и т.д. Иллюстративный фон, на мой взгляд, достаточен; примеры удачны: «Темные и раболепные» люди не смогли бы успешно противостоять такому сильному давлению и культурному влиянию. Эта мысль прямо выражена в очередной беседе с Жюльеном: «Возможно, Вы излишне самоуверенны, как и многие французы, придерживающиеся подобных взглядов. Должны ли мы быть такими самодовольными? Правда, что люди Востока сейчас кажутся нам слабыми, но всегда ли так будет?» [5, с. 480]». Как видим цитации оформлены верно, специальная правка излишня. Выводыозвучны основной части: «читатель понимает, чем гордился Нгуен Суан Кхань – вьетнамскими женщинами, природной красотой, культурным наследием. Соответственно, некоторые пафос и дидактичность в рассуждениях европейцев-героев романа и то, как категорично эти рассуждения были опровергнуты, призваны возбудить во вьетнамском читателе такую же гордость за страну и ее традиции и подтолкнуть его к вдумчивому восприятию европейской культуры на современном этапе, утвердиться в своей национальной идентичности – не навязанной извне, а исходящей изнутри...». Список источников достаточен, он вариативен и разнообразен. Таким образом, тема работы раскрыта, цель достигнута; материал интересен, научообразен. Рекомендую статью «Колониальный Вьетнам глазами европейцев в романе вьетнамского писателя Нгуен Суан Кханя «Матушка – хозяйка гор и лесов» к публикации в журнале «Litera».